

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Литературоведение: поворот
К ЖИВОТНЫМ

Цель: уяснить, что представляет собой современное направление в области литературоведческого анализа – исследования человека и животных.

Ключевые слова: человек, животное, жизнь.

В данной лекции речь пойдет о статье Дженнифер МакДонелл «Поворот к животным: литературоведение и академическая среда». Дженнифер МакДонелл преподает современную теорию и викторианскую культуру в Университете Новой Англии (Австралия).

В своей статье она представляет одно из новейших направлений в области литературоведческого анализа – исследования человека и животных.

Исследования о животных

Быстрорастущая область исследований человека и животных, считает Дженнифер МакДонелл, – это динамичная, разнообразная сфера методологических конвергенций и расхождений, объединенных общей заботой об изучении комплекса причудливых связей, существующих между жизнями человека и животных. Для того, чтобы серьезно рассуждать о животных, как выражается автор, на их условиях, следует усомниться в принятой конструкции категорий человека и животного, которая основана на признании человеческой исключительности.

Дженнифер МакДонелл оговаривает то, что для ясности в своей статье она использует слово «животное» для обозначения «не-человеческого животного». Кроме того, она говорит об исследованиях животных в их самом широком, современном смысле, обозначая многодисциплинарное поле, известное как «Исследования человека и животных», иногда называемое антропозоологией. Эти исследования не следует путать с узко научными работами, относящимися к лабораторным исследованиям животных.

Одна сторона литературных исследований о животных – это образная и эмпатическая идентификация человека, взаимодействующего с животными, а также философско-этические вопросы этого взаимодействия. Методологическая работа литературных исследований о животных включает деконструкцию представлений о животных как о просто литературных и мифологических фигурах.

Дженнифер МакДонелл обращается к конкретным примерам человеческого восприятия, использования и представления самого популярного домашнего животного – собаки. Она обращается к случаям Бандита и Майкла Вика в США (с кратким обращением к «Оливеру Твисту» Диккенса), чтобы проиллюстрировать число важных вопросов, связанных с любым обсуждением исследований о животных. Ключевыми вопросами являются категория «животное», которая меняется в зависимости от удобства доминанты, и права человека, неразрывно связанные с вопросом о животном, делая пересечение категорий человека и животного человека (имеется в виду человек социальный и человек как животное существо, вид) центральной отправной точкой для любого обсуждения в этой области. В завершение статьи автор высказывает несколько замечаний о романе Джона Максвелла Кутзее «Бесчестье».

Иерархия

Дженнифер МакДонелл начинает с реальной истории о собаке, Бандите, которая в 1987 году была в камере смертников, будучи наказанной за свою чрезвычайную злобность. Самый полный рассказ о деле «Бандит: досье опасной собаки» был опубликован в 2002 году лингвистом, поэтом и тренером животных Вики Хирн. Сухие факты выглядят следующим образом: Бандит, собака мистера Редда, бедного, пожилого чернокожего человека в Стэмфорде, был спровоцирован и укусил соседа. Бандита забрали, за время его изоляции с ним так неумело обращались, что по возвращении к хозяину его поведение изменилось к худшему. На этот раз служба государственного контроля над собаками приняла решение умертвить Бандита.

В отличие от распоряжения службы штата Коннектикут, Вики Хирн, которую вызвали в качестве эксперта, убедила суд дать ей разрешение переобучить Бандита. Она в процессе обучения обнаружила, что тот был воспитанной и послушной собакой.

Однако это не была простая «Сердечная правдивая история спасения одной собаки из камеры смертников», как было объявлено на обложке книги в 2007 году. Постановление суда огорчило мистера Редда. Он обвинил Вики Хирн в краже своей собаки: «Вот так на Юге: как только черный человек получает что-то хорошее, белый человек сразу забирает это у него», – заявил он. Когда мистер Редд свидетельствовал в пользу Бандита, он отметил: «Все дамы по соседству любят его. Не только дамы с другим цветом кожи. Белым дамам он тоже нравится». Хирн заметила, в замечании подчеркивается прямой расизм, который, однако, не был признан в ходе судебного процесса.

Дело Бандита стало центром внимания, вызванного СМИ, обсуждение касалось того, существуют ли необратимо злобные породы собак. Газеты, контрольные органы и суды неправильно обозначили Бандита как «питбуля», то есть американского питбуль-терьера. Один эксперт сказал суду: «У него гены. Гены – это то, что есть у этих собак, и их обучение является частью их генетики, и это делает их «норовистыми». Обсуждая феномен плохой породы и, в частности, дело Бандита, профессор литературы из Гарварда Марджори Гарбер отмечает, что «питбуль» стал тем, что литературные критики определенного жанра назвали бы «неразрешимой» фигурой, выбранной для поношений согласно закону, но не надежно идентифицируемой в качестве конкретной породы. «Все знают» и «Никто не знает», что представляет собой «питбуль». Всем известно, и никому доподлинно не известно, что «они» опасны. Фактически, человеческий язык становится для некоторых животных буквально вопросом жизни и смерти.

Вышеупомянутое обсуждение иллюстрирует, как мифы о видах могут натурализовать насилие по отношению к определенным классам животных и как классифицирующий язык может использоваться для отрицания специфических признаков для вида отдельных животных. Такой язык представляет собой аналогии с конструкциями пола, расы и класса в человеческом обществе. Если сегодняшняя собака – предмет особой ненависти – это «питбуль», то в Европе после Второй мировой войны это были немецкие овчарки и доберманы, а в Англии в 1830-х годах собаки, подобно собаке Билла Сайкса (Бычий глаз) из романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист». Билл Сайкс на сегодняшний день является самым сложным собачьим персонажем, и его многозначное имя указывает на связь с семьями быков и терьеров, которые произошли от боевых пород, первоначально использовавшихся в травле быков и кровавых видах спорта. На обложке издания 2007 года издательства «Оливера Твиста» представлен образ бультерьера с ошейником с шипами в виде аксессуара.

Основным моментом, считает МакДонелл, является то, что обе разновидности собак обозначают то, что можно назвать «опасным собачьим дискурсом». Бультерьер изображен на обложке издания «Винтаж», потому что собаки этой породы ошибочно воспринимаются как «питбули» и ассоциируются с наркобаронами и уличными бандами, которые используют их в собачьих боях и в качестве охраны. Кроме того, в современной американской культуре американские питбули и другие бойцовские собаки обычно ассоциируются с афроамериканцами.

Мейша Розенберг помещает это в название своей статьи о собачьих породах и гонках в современной популярной культуре, «Золотистые ретриверы – белые, питбули – черные, а чихуахуа – испаноязычные». Идеологический оттенок в этом особом перечне видов-рас был наглядно подчеркнут в 2007 году, когда защитник «Атланты Фолконс» Майкл Вик был обвинён в том, что он имеет отношение к существовавшему 6 лет преступному предприятию по организации собачьих боев.

Питомник находится в афроамериканском районе Ист-Энде в Ньюпорт-Ньюс, в экономически депрессивной области, в которой вырос Вик и известной своими уличными бандами, насилием и торговлей наркотиками. Обвинения включали непосредственное участие Вика в собачьих боях, азартных играх и жестоких казнях собак. Общественный резонанс был вызван широко распространенными сообщениями в средствах массовой информации о деталях, которые включали повешение, утопление, применение электрошока и отстрел собак. Более семидесяти собак, в основном американских питбулей, были изъяты во время нескольких

обысков 15-акрового имущества Вика. У многих собак наблюдались видимые признаки травм. Адвокаты Вика утверждали, что собачьи бои были приемлемой частью черной «культуры» в окрестностях, где вырос Вик, а ключевые фигуры «Национальной ассоциации по улучшению прав людей с другим цветом кожи» утверждали, что эта история была иллюстрацией системного расизма, имеющего место в культуре США и его институтах. С другой стороны, люди из общества этического обращения с животными характеризовали Вика как социопатического монстра, непригодного для гражданского общества.

В дискуссиях в средствах массовой информации по делам Бандита и Майкла Вика не хватало альтернативной политики, основанной на межсекторальных и антирасистских перспективах. Важное соображение, забытое в таких дискуссиях, заключается в том, что расовые, культурные и видовые различия существуют, но не учитываются. Подобно расовым стереотипам, «троп злобной породы» и «опасный собачий дискурс» склонны полагаться на мнение о том, что культуры являются фиксированными, однородными сущностями, которые аккуратно отображаются в определенных группах и в определенных пространствах. Это особенно справедливо в случае с домашними животными, о чем свидетельствует история собаководства. Харриет Ритво убедительно демонстрирует, что стандарты породы, особенно у собак, стали для викторианского среднего класса «показателем их парадоксальной готовности агрессивно переосмысливать и переделывать социальный порядок, в котором они желали получить стабильное место». До создания «Клуба питомников» в 1873 году собак в основном классифицировали по работам, которые они выполняли, что иллюстрируется различными таксономиями, многие из которых были основаны на источниках XVI века. Классификаторы, как правило, размещали «самые благородные виды» собак, в частности, охотничьих и ищеек, наверху, далее ранжир спускался через спаниелей и болонок к фермерским собакам, в то время как дворняги находились у самого основания классификационной таблицы. В этих неумолимых типологиях ценность конкретных пород происходит от их первоначальных функций, которые когда-то были тесно связаны с социальным статусом их владельцев. За каждой породой собак есть этнография и социальная история, а также генеалогия – история жизни в культуре и генетическое наследство.

Против эссенциалистского взгляда, распространенного в делах Бандита и Вика, мы могли бы считать, что различие видов не только всегда находится в процессе создания, но что этот процесс не является случайным, а выражается как эффект властных отношений.

Этот дуализм, который образуют сильные подводные течения в западной культуре, признается теоретиками, работающими в области феминистских, постколониальных, этнических и др. исследований, как проявление насильственной иерархии, потому что один элемент бинарной оппозиции всегда подавляется по отношению к другому, в то время как нечто среднее между ними игнорируется.

Бесчестье

Дженифер МакДонелл обращается к ставшему каноническим текстом литературных исследований по изучению животных роману нобелевского лауреата по литературе 2003 года Джона Максвелла Кутзее «Бесчестье».

Роман «Бесчестье», на взгляд МакДонелл, – это произведение о границах рационального мышления, которое человеческие животные использовали, чтобы отличить себя от животного мира.

Роман утверждает разницу между «человеком» и «животным» не просто путем разработки технологии, с помощью которой животных умерщвляют некриминальным путем, а также потому, что использованная Кутзее точеная флореровская проза отказывается от защитных этических положений, основанных на утешениях принятых систем человеческой веры, включая рациональную истину. Окончание романа «Бесчестье» может быть прочитано как критика человеческих идей жертвоприношения и искупления: Кутзее ведет нас через стереотипные фигуры и жесты таким образом, что делает их неосуществимостью и пустотой само собой

разумеющимися. Дэвид Лури остается угнетенным до самого конца, он обречен отказаться от себя и от изувеченного поющего пса, который был привязан к Дэвиду.

Работая в качестве волонтера в местном приюте для животных, Дэвид помогает Беву Шоу в эвтаназии животных, в основном собак, и в процессе этой деятельности претерпевает трансформацию, которая выразилась в принятии убеждения в общей с животными эмоциональной жизни. Несмотря на то, что Дэвид принял свою анималистическую природу и во многом утратил прежнюю антропоцентрическую позицию, роман ставит проблему принесения жертвы, которая выражается в отказе Дэвида от поющей собаки, к которой он привязался. Роман заканчивается одним из воскресений, когда обычно умерщвляли животных: собаку, «как ягненка», ведут на убой. Кутзее не предлагает рационального объяснения Дэвидом его решения пожертвовать изувеченной собакой. Последняя строка книги: «Я отдаю его».

Бев Шоу сказал, что Дэвид может спасти собаку, если захочет, еще на неделю. Но придет время, которого нельзя избежать, когда ему придется привести пса к Беву Шоу в операционную, приласкать, сдвинуть шерсть, чтобы игла могла найти вену, и шептать ему, и поддержать его в тот момент, когда его ноги начнут подгибаться; и затем, когда душа покинет плоть, завернуть его и уложить в мешок, а на следующий день поместить мешок в огонь и увидеть, что он сожжен, сожжен дотла. Дэвид сделает всё это для собаки, когда придет время. Это будет совсем немного. Меньше, чем немного. Ничего.

И Дэвид, подняв пса на руки, как ягненка, он приходит в операционную. «Я думал, что ты спасешь его еще на неделю», – говорит Бев Шоу. – «Ты его бросаешь?». – «Да, я отдаю его». Это последние слова романа.

Для Дженифер МакДонелл болезненные фантазии Дэвида о том, как он может поддержать поющую собаку в момент ее смерти, подчеркивает многочисленные жизненные неудачи Дэвида, включая его окончательную неудачу в спасении собаки. Действительно, «я» в последнем предложении – «Я отдаю его» – обращает внимание на окончательное понимание Дэвидом того факта, что именно люди решают, жить или умирать некоторым животным.

Эта сцена напоминает два викторианских текста, которые служат контр – аргументом против критиков, усматривающих в этой сцене «постгуманистическую религиозность». Кутзее подрывает «жертвенную структуру», открывающую пространство для «некриминального убийства» животного, не предоставляя пространства для трансцендентности человеческого духа.

Дебора Бёрд Роуз, которая называет собаку «Парнишка», задает актуальный вопрос о «структуре жертвоприношения», представленной в этой сцене: «Что спасает Дэвид, отдавая Парнишку?». Роуз пишет: «На первый взгляд, Дэвид жертвует собакой во имя сохранения как границы между человеческим и животным, так и человеческого контроля над этой границей. Его выбор способствует его заразной пустоте. Это было его окончательное падение в бесчестье».

Когда собак доставляют в клинику, в первую очередь рассказчик говорит о необходимости их умерщвлять, мол, это происходит, «потому что они нежелательны: потому что нас слишком много». Слова «потому что нас слишком много» отсылают нас к записке о самоубийстве «маленького отца» в «Джуде Незаметном» Томаса Харди (1895): «Сделано, потому, что нас слишком много», – после того, как он убил двух своих братьев и сестер при трагически ошибочной попытке исправить последствия плодовитости рабочего класса. Эта гротескная интертекстуальная ссылка подчеркивает не дарвиновское эволюционное или мальтузианское (демографическая теория) мышление, как, например, в тексте Харди, а антропоцентризм мышления Дэвида Лури: хотя он, возможно, приблизился к пониманию неразрывности между человеческой жизнью и жизнью животных, однако, с его, человеческой, точки зрения, собак слишком много, и их необходимо устранить. Сцены, подобные завершающей роман Кутзее «Бесчестье», представляют собой серьезную проблему для веры в силу рационального, поскольку автор с такой сокрушительной силой показывает уклонение человеческого рационального сознания от понимания распространенности механизированного убийства животных и ограниченности человеческого языка для описания этого.

Кутзее не предлагает рационального объяснения привязанности Лури к «лишним» собакам. Сам Лури не понимает, почему он ездит на мусоросжигательный завод каждый понедельник.

Чтобы облегчить бремя Бева Шоу? Для этого было бы достаточно свалить мешки на свалку и уехать. Ради собак? Но собаки мертвы; и что собаки знают о чести и бесчестье? Задается он вопросом.

Бесстрастная точная проза Кутзее делает мертвые тела собак кинестетически (ощущаемой) описательной деталью. Лури «ранен», если использовать термин Кору Даймонд, различными способами механизированного убийства животных. Травма, переживаемая Дэвидом Лури, является этической проблемой, которую роман констатирует как невыразимость. Это не только априорная невыразимость отношения животных к промышленным методам ведения сельского хозяйства и приютам для домашних животных, но и невыразимость противостояния границам собственного мышления, в столкновении с травмой переживания «чего-то, к чему на самом деле должно быть устойчиво наше мышление, или, возможно, чего-то слишком болезненного в своей необъяснимости».

Роман, на взгляд МакДонелл, изображает то, что Рэймонд Уильямс назвал «структурой чувства». Роман «Бесчестье» представляет смешанные аффекты – заботу, сострадание, насилие и безразличие, которые характеризуют попытку Дэвида признать близость между человеческими и не-человеческими видами. Как показывают случаи Вика и Бандита, то же самое парадоксальное сочетание заботы, настроения и насилия типично для отношений между людьми и не-человеческими животными, включая домашних животных в современных западных обществах.

Если бы поющая собака могла говорить, какова была бы ее история? На это эллиптическое высказывание Витгенштейна Кари Вайль отвечает вопросом: «Если бы она могла говорить, могли бы мы понять ее?».

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем принципиальное отличие литературного исследования человека и животных от научных исследований представителей мира животных?

Литература:

1. Derrida J. «Eating Well» or The Calculation of the Subject: An Interview with Jacques Derrida (1991). Who Comes after the Subject? – Routledge, New York, 1991.
2. Wolfe C. Human. All Too Human: «Animal Studies» and the Humanities. – PMLA, 2009. – 124, 2.
3. Weil K. Thinking Animals: Why Animal Studies Now? – New York: Columbia University Press, 2012.
4. Derrida J. The Animal That Therefore I Am: More to Follow. – New York: Fordham University Press, 2008.
5. Fudge E. The History of Animals (2006). – H-Animal. – 2012. – 22 July. <http://www.h-net.org/~animal/ruminations_fudge.html>
6. Rosenberg M. Golden Retrievers Are White. Pit Bulls Are Black, and Chihuahuas Are Hispanic: Representations of Breeds of Dog and Issues of Race in Popular Culture. – Michigan: Michigan State University Press, East Lansing, 2011.
7. Ritvo H. Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age. – Cambridge: Harvard University Press, 1987.
8. Coetzee J. M. Disgrace. – London: Penguin, 1999.
9. McCance D. Introduction. – Mosaic. – 2011. – 44, 2.
10. O'Sullivan M. Giving Up Control: Narrative Authority and Animal Experience in Coetzee and Kafka. – Mosaic, 2011. – 44, 2.
11. Darwin C. The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex (1871). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.

12. Rose D. Wild Dog Dreaming: Love and Extinction. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2011.

13. Hardy T. Jude the Obscure (1895). – London: Macmillan, 1974.

14. Cora Diamond. The Difficulty of Reality. Cited by Wolfe//Introduction, in Philosophy and Animal Life. – New York: Columbia UP, 2008.